

КАТЯ СТЕПАНЦЕВА

Если любишь, не предаёшь

Даже если ты сменишь пол и потеряешь глаз, я буду любить тебя

РАССКАЗ О ЛЮБВИ

18+

Катя Степанцева

Если любишь, не предаёшь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67250685

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга стала победителем конкурса "Неодиночество в сети" в 2022 году. С Леной отношения не задалась: "Тебе дед дороже меня", – говорила она. С другими девушками тоже не сложилось. Кому нужен старик в придачу к парню? Но Антон не терял надежды встретить однажды ту самую, единственную, с которой всё будет по плечу, с которой и в горе, и в радости. Всё решил случай и одна маленькая нелепая переписка. Новая история любви от победительницы конкурса детской и подростковой книги в номинации "Первая любовь" и финалиста "Электронной буквы" 2021 года.

Катя Степанцева

Если любишь, не предаёшь

«Привет! Слушай, а как мне пол сменить?»

Сообщение всплыло в шесть часов утра на экране смартфона и крайне удивило Антона. Он протёр глаза, прищурился, ещё раз перечитал.

«Ну... не знаю. А зачем тебе?»

«Задача такая».

Он долго соображал, перечитывая сообщение несколько раз. Гм. Какая-то Настя. Что за Настя вообще? На аватарке круглое окно с коричневой рамой, на которой спит чёрный кот.

«А почему ты у меня спрашиваешь?» – набрал Антон.

«Мне как-то неловко спрашивать об этом в чате».

«М-м-м. Действительно».

Антон счёл ответ разумным. Понятно, раз задача, значит это что-то по работе.

«Я тебе попозже напишу, ладно?»

Он не дождался ответа и закрыл «Телеграм». Суббота началась странно.

На этот день он запланировал миллион дел, первым из которых было вообще-то отключение «Телеграма» и забвение всех возможных чатов, особенно рабочих. «Нет меня, умер. Воскресну в понедельник в девять ноль-ноль».

Антон работал в одной маленькой IT-компании, был ведущим бэкенд-разработчиком... хотелось бы добавить – и душой компании, но это было бы ложью. Два дня в неделю он работал из офиса, а остальные три на удалёнке. Заботился о бабушке. Мать давно говорила ему: «сдай в дом престарелых», но Антона такое предложение не устраивало. Как можно родного человека сдать?

Антон частенько вспоминал детство и многие лета в деревне у бабушки, когда каждый день становился невероятным приключением, а каждый отъезд в город великой и неизбежной трагедией. У деда в хозяйстве были корова Зорька, несколько овец без имени, пёс Барсик и несчётное количество кошек. Преимущественно соседских, мимоходящих. В первое же лето Антон понял, что собаке предлагать мороженое нельзя. Антону тогда исполнилось семь лет, он приехал в деревню впервые. Мама купила ему мороженое в деревенском магазине, красивое, в вафельном стаканчике, с розочкой посередине белоснежной шапки. Антон лизнул рожок, прищурился, глядя на солнце. Всем сердцем и всей душой он ощущал в это время счастье. Барсик, глядя на него, похоже, тоже ощущал нечто подобное, потому что лыбился во всю собачью пасть. Антон ещё раз лизнул мороженое. Барсик сглотнул слюну и принялся тяжело дышать, свесив язык на сторону, глядя на человека хитрыми глазами.

Антон протянул собаке мороженое. Ему же не жалко, пусть пёс тоже попробует. Уже через пару секунд Антон бе-

жал за собакой, удирающей с мороженым в зубах, ревел, размазывая слезы по лицу, и кричал: «Отдай! Это моё мороженое!» Барсик спрятался под грудой металлолома, наваленной у забора, и смачно сожрал рожок, кося глазом на ревущего пацана.

Дед с утра уже смотрел лыжи по телику. Удивительно, как можно целыми днями смотреть одно и то же, люди в разноцветных обтягивающих спортивных костюмах бегут по белому снегу на лыжах. И так два часа. В биатлоне хоть стреляют ещё.

Антон приготовил обоим яичницу-глазунью с сыром и беконом, себе сварил кофе, а деду заварил зелёный чай. Последний месяц приступы не повторялись, поэтому Антон расслабился и даже запланировал поход в клуб на вечер, всё-таки четырнадцатое февраля через пару дней, вдруг он встретит свою любовь? Толян обещал заскочить в семь. Времени оставалось полно, успеет зайти в парикмахерскую и в магаз за новыми кроссами.

– Как дела, дедуль?

Антон спрашивал просто так, если бы дела были не очень, они бы не спали всю ночь. Дед повернул голову и помахал рукой.

– Всё нормально, – рука безвольно упала на колено.

Дед выглядел уставшим. Сидел в своей белой майке и синих трениках, сгорбившись на разобранном для сна диване. На голове он уже давно носил, не снимая, чёрную шапку. Го-

ворил всё, что голова мёрзнет.

Через час, когда лыжи кончатся, он захочет прогуляться. Деду было уже восемьдесят три года, но, несмотря на все свои болезни, он ещё чувствовал в себе силы и желание выходить из дома.

Соседские бабульки, встречая Антона во дворе или в подъезде, говорили, улыбаясь:

– Ваш-то дед ещё ничего, бодрячком!

Антон ходил в парикмахерскую в соседний дом. Записался по привычке к Лене. От неё здорово пахло арбузными духами, а ещё она рассказывала всякую милую ерунду об учёбе, о соседке по комнате, о посиделках с друзьями. Они даже встретились с Антоном пару раз вне работы. Только, узнав про деда, Лена сказала:

– И зачем ты с ним мучаешься? Больше некому, что ли?

А кому ещё? Кого просить? Мать сразу сказала:

– Мне некогда! Я для себя ещё не пожила. Сначала родители свои условия ставили, потом замуж вышла, потом ты родился, жили мы то на съёмных квартирах, то с родственниками. Надоели они мне все. Теперь одна хочу пожить. Сама себе хозяйка.

– А как же любовь? – спросил Антон.

– А нету её, не бывает, – ответила мать.

С Леной отношения не задались: «Тебе дед дороже меня», – говорила она. С другими девушками тоже не сложилось. Кому нужен старик в придачу к парню?

Только вот Антон не рассказал никому, что однажды случился и отвёз деда в дом престарелых. На чистой и ухоженной территории за высоким железным забором стоял небольшой двухэтажный домик, окрашенный в приятный мятный цвет. На первом этаже милые медсёстры и нарядные постояльцы рассказывали, как живётся восьмидесяти бабушкам и дедушкам, которые нашли здесь второй дом и вторую семью.

– Я умирать не собираюсь, потому что не у всех ещё кровушки попила, – смеялась одна бабулька в бордовом платье, расшитом позолоченными бусинами, – ладно, шучу-шучу! Здесь есть что пить, есть где спать, есть чем заниматься и с кем дружить.

Всё выглядело идеально. Дед только сидел, понутив голову, больно было смотреть на него. Антон чувствовал, что предаёт, но старался заглушить тревогу позитивными мыслями: нет повода для паники! Здесь ему будет хорошо. Здесь присмотр круглосуточный, уход, лекарства, врачи.

Откуда-то пахло столовской едой, скоро уж обед. Антон вышел в туалет, пока в кабинете заполняли бумаги. Бродил по коридорам, заглядывал в комнаты жильцов, в те, в которых была открыта дверь. Здесь жили по два-четыре человека в комнате, у каждой кровати стояла тумбочка с личными вещами: косметикой и бижутерией у женщин, кроссвордами, шашками или шахматами у мужчин, посередине у окна обеденный стол, в углу или у двери небольшой холодильник.

Увидев лестницу на второй этаж, Антон, недолго думая,

поднялся. Здесь пахло чем-то другим. Лекарствами, смертью. В первой же открытой комнате он увидел лежащего на грязной клеёнке старика. Он плакал в забытьи, не в силах утереть слёзы. Да что там слёзы. Он не мог встать, чтобы дойти до туалета, приходилось ходить под себя. В лёгкие вгрызался удушающий запах человеческих испражнений, боли и отчаяния. Из других комнат доносились стоны, вздохи, шорохи. «Никто не должен так умирать», – мелькнуло в мозгу Антона. Из дальнего конца коридора то ли медсестра, то ли врач, увидев его, закричала:

– Вы как сюда попали? Сюда нельзя!

Он бросился вниз, забрал заявление, ничего не понимающего деда и уехал, чтобы никогда больше не вспоминать то место, чтобы как заклинание повторять: любовь есть, она бывает, а если любишь, не предаёшь.

Дед сидел спиной к телевизору и, глядя в стену, что-то кому-то доказывал:

– А я просил тебя не ездить? Просил. А ты что? Да дурак ты просто. Малину бери. Ну не бери.

– Ты с кем, дедуль? – Антон удивлённо тряс деда за плечо. Глаза у старика прояснились, и он словно очнулся.

– А, да нет, Антош, я так, просто, – дед смущённо потёр руки. – Пойду прогуляюсь.

«Вот как его бросить? Мать, хоть и стонала вечно, что никто её не понимает и все её притесняют, всю жизнь собой занималась, а дед мной», – думал Антон.

Дед научил его гонять на велосипеде по деревенским тропинкам. Держал за сиденье сзади и шёл рядом, потом бежал, потом отпустил и смотрел, поставив руку козырьком к глазам. Антон смеялся и чувствовал, как ветер ласкал его лицо, целовал его губы и резвился в волосах. Бесконечное счастье. А зимой они вместе ходили на лыжах. А осенью дед учил собирать грибы.

– Это тихая охота, – говорил он, и Антон чувствовал себя крутым охотником. Бесшумным, как ниндзя.

Дед научил его пасти овец и доить корову. Когда Антон впервые увидел рогатое чудо, испугался так, что ринулся за забор и наблюдал в щёлочку. А дед смеялся и говорил:

– Не бойся, лучше угости.

Самое невероятное ощущение лета, когда корова шершавым языком, щекоча ладонь, впервые слизнула у Антона с рук корочку хлеба.

Февраль в этом году выдался тёплый, пахло весной, грязный снег тихонько таял в лучах ещё скромного солнца. Дед шёл по улице медленно, осторожно, стараясь не поскользнуться. Антон ловил себя на мысли, что нехорошо следить за людьми. Только вот дед уже дважды терялся. Один раз он пытался войти не в тот подъезд, набирал на домофоне квартиру сто девятнадцать. Домофон жалобно пищал, дверь не открывалась. В другой раз вообще ушёл в другой район. Хорошо хоть догадался Антону позвонить. Кстати! Где Толян? Договаривались же созвониться или списаться!

Антон заглянул в смартфон. Ни звонка, ни сообщения, в «Ватсапе» пусто, в «Телеграме» пусто, только Настя эта опять что-то написала. Вспомнил он, что за девчонка. Стажёр из тестирования. Миленькая, темноволосая, с выразительными глазами, будто в самую душу глядящими. У неё звонкий голос и заразительный смех. Он бы сам точно не написал ей в личку и не подошёл в офисе. Они слишком разные. Она открытая, общительная, он замкнутый, сосредоточенный на задачах, она спонтанная, он предсказуемый, любящий планировать.

Антон огляделся, дед гладил чужую собаку на тропинке, а хозяин собаки улыбался и что-то рассказывал. Ну, глянем, что там у Насти на этот раз стряслось.

«Ой! Я понимаю, что выходной, но можешь мне ответить? Это срочно».

Антон вздохнул и набрал:

«Да, пиши».

«У меня глаз потерялся!»

Антон прыснул со смеху:

«Что?!»

«А, извини, сама ржу, со стороны это выглядит, наверное, нелепо...»

«Я на тестовом стенде...»

«Тут сбоку возле строки поиска человека был раньше глаз».

«По крайней мере, на скриншотах точно был».

«А сейчас его нет!»

Ну понятно! Затёрли, скорее всего, новыми изменениями.

«Баг заводи».

«А, да, в прошлый раз не ответил».

«Ещё актуально?»

Антон поднял глаза от телефона. Деда нигде не было.

Чёрт! Пока он тут мило беседовал, дед испарился!

В руках завибрировал телефон, Антон обрадовался, но чёрт! Это Толян.

– Толян, прости, прямо щас никак, перезвоню.

Набрал деда.

– Ну же, бери трубку.

Только длинные гудки.

У деда был самый простой кнопочный телефон и в списке забиты только номера Антона и матери.

Антон бросился через двор, заглядывая в подъезды: вдруг ему стало плохо? Осмотрел детскую площадку, вдруг на лавке отдыхал или качелях? Порасспрашивал старух. Никто не видел.

От внезапного звонка Антон аж чуть телефон из рук не выронил.

– Антоша, горе какое, приезжай скорее, в нашей квартире кто-то живёт!

Дед был не на шутку встревожен.

– Ты где?

– Так у нас же, в Черноречье!

– Деда, мы год уж как переехали!

К счастью, дед нашёлся быстро, а вот, к несчастью, он успел и маме позвонить. Она примчалась быстрее Антона и вопила так, что все соседские старушки повысовывались из окон, чтобы посмотреть: что стряслось?

Расслабились уже только дома. Заварили чаю, включили телик. Дед забыл уже и про чужих людей в доме, и про прогулку.

– Ну и долго так будешь мучаться? – спросила мать. – У тебя же с ним никакой личной жизни. А ты вон смотри уже у меня какой лоб вырос. Фигура спортивная, глаза хорошие. Причёску вон обновил.

– Не начинай.

– Тебе пора девушку завести.

– Мам, всё нормально. Сегодня с Толянком и девчонками в клуб планировал сходить. Всё у меня нормально с личной жизнью. Ты-то хоть как?

– Ну а что я? – она отставила чашку с чаем и опустила глаза. Красивые, тщательно покрашенные, но такие грустные карие глаза. Антон заметил, что она недавно постриглась коротко и покрасила волосы в глубокий каштановый цвет. Чёрное строгое платье до колена скрывало несовершенство фигуры, рукав три четверти удачно подчёркивал руки. – Всё ссоримся с Арсеном, он меня замуж зовет, а я не хочу. Наелась я этого «замужа» с твоим папашей... Ой, ладно, не будем о плохом.

Мать уехала, дед уснул. На часах почти восемь, в телефоне миллион пропущенных звонков от Толяна. «Думаю, пару-тройку часов провести в клубе я всё-таки заслужил, хоть и устал как собака».

В зале гремела музыка, вокруг плясали и разговаривали десятки девиц, пацанов было меньше, но не критично. Толян встретил друга с распростёртыми объятиями.

– Здоров, чувак, как ты?

– Две текилы – и норм.

Снять напряжение последнего дня до конца не удалось. Толян привёл девчонок, беленькую и тёмненькую. Обе очень красивые, в обтягивающих платьях с блёстками. А беленькая ещё и на таких огромных каблуках, что Антон загляделся на них и на их обладательницу, гадая, как она не падала? Ещё и танцевала. Всё было бы круто, только девчонки много пили, много танцевали и много ругались матом. Нет, Антон не был снобом и сам мог ломануть для красного словца так, что стены дрожали. Но ему не нравилось, когда девушки делали так же.

Со скуки Антон снова полез в телефон. Настя написала:

«Пол сменила мутацией через альтаир, всё ОК!»

Антон, сдерживая смех сквозь слёзы, ответил:

«Если бы я не знал, что ты тестирующая, подумал бы, что сумасшедшая».

«Да я так и подумал в шесть утра».

Антон понаблюдал немного за чатом с Настей и вышел из

«Телеграма».

Толян смылся. Девчонки уже танцевали с какими-то другими пацанами. Знакомство не задалось. На часах около одиннадцати. Антон поскучал пару шотов и уехал домой.

– В этом есть один плюс, хоть выплусь.

Он понял, что что-то не так, по кислому запаху. Из комнаты деда слышались звуки рвоты. Антон скинул кроссы и ринулся в комнату. Алкоголь выветрился из головы мгновенно.

– Давно?

Дед помотал головой. Антон набрал скорую.

– Давление измерял?

Новый приступ рвоты помешал ответить. Капотен нашелся сразу, таблетку дал.

– Голова болит.

Дед раскачивался из стороны в сторону, сложив руки на животе. Когда Антон был маленький, каждую царапину, каждый синяк показывал деду, ведь он знал волшебное заклинание, от которого всё проходило. Звучало оно так: «У киски боли, у собаки боли, а у Антона заживи». Только маленькому внуку было жалко невинных кошек и собак, он не желал им зла даже в заклинании, поэтому деду приходилось с каждым разом быть всё более и более изобретательным, произнося: «У волка в лесу боли, у медведя во бору боли, а у малыша пройди». Но и этих зверей было жалко. Поэтому появлялось что-то вроде «У осы боли, у акулы боли».

Взрослый Антон знал, что такое заклинание не сработает, потому что боль проходит только от таблеток или уколов. Скорая всё не ехала. Время тянулось медленно, словно резиновое. Антон мог только быть рядом. Измерил давление: сто восемьдесят на сто десять. Очень много.

Антон проверил телефон. Никто не звонил. Уже час прошёл. Набрал ещё раз скорую. Раздражённый голос диспетчера разъяснил, что вызовов много, приедут скоро, не волнуйтесь.

Настя написала:

«Что молчишь? Скучно со мной?»

Антон ответил:

«Некогда сейчас, у деда приступ, скорая не едет».

«Напиши свой адрес, я медсестра».

«Бывшая, правда».

Антон не верил своим глазам, набирая адрес на телефоне. Нет, он не думал, что почти не знает эту девчонку, что дома не прибрано и пахнет желчью. Он думал о том, что есть Бог на свете, который послал ему чудо откуда не ждали.

Она приехала на такси. Поднялась по лестнице почти бегом, перешагивая через ступеньки. Антон встретил в дверях, не веря ещё своим глазам. Она была собранная, строгая, одетая в синий спортивный костюм и ботинки на мягкой подошве. Было ощущение, что она сорвалась в чём была. Не накрашена, волосы собраны в конский хвост.

Измерили давление. Сто шестьдесят на сто. Немного сни-

зилось. Настя открыла форточку и вдохнула полной грудью свежий воздух.

– Стакан дашь?

Антон принёс из кухни гранёный стакан. Настя достала из сумки пузырёк пустырника и накапала.

– Разбавь водой и дай выпить. И полотенечко смочи, надо сделать компресс на лоб и на затылок. Шприцы дома есть?

Антон пожал плечами:

– Надо искать.

– Если не найдёшь, купим.

Вместе они напоили деда успокоительным и сделали охлаждающий компресс.

Раздался звонок. Врачи ворвались в дом:

– Где больной?

Осмотрели, расспросили, сняли кардиограмму, еле нашли вены и поставили укол. Настя спросила:

– Доктор, может подскажете, чем лечить? Что купить?

Уходя, молодой врач сказал:

– От старости лекарства нет.

Дед уснул.

Они сидели на кухне. В темноте. Только свет фонарей освещал их силуэты. В руках по чашке зелёного чая, на белой клеёнке молочная шоколадка.

Антон мучал вопрос, и он его задал:

– Тоже скажешь, что его сдать куда-нибудь надо?

Настя поняла без лишних пояснений.

– Дурак, что ли? У меня, когда бабушка умирала, я сидела рядом, держала её за руку и говорила: «Не бойся, я с тобой».

Она помолчала немного и добавила:

– Я бы тоже так хотела умереть, зная, что меня любят. Тогда будет не так страшно. Наверное.

Шоколад закончился. Чай остыл. За окном было всё ещё темно и хмуро. Моросил дождь. Очень по-февральски.

– Спасибо, что приехала.

– Пожалуйста, я правда ничего эдакого не сделала.

– Главное, что ты приехала. А почему медсестрой больше не работаешь?

– Платят мало. Вот решила войти в IT.

Они проболтали всю ночь до утра и задремали, только когда рассвело.

Воскресенье прошло тихо. Дед проснулся бодрый и долго благодарил гостью за беспокойство. Извинялся. Настя обняла его как родного.

– Ну что вы, деда Слав, всё нормально. Если вы не против, то буду иногда к вам приезжать.

– Где ты её взял-то, внук?

– На работе, дедуль.

Настя и Антон переглядывались, хитро улыбаясь. Настя обулась в коридоре, собрала сумку:

– Ладно, Антон, мне пора.

– Ладно. Слушай, – Антон замешкался. – Почему ты вчера утром именно мне написала?

– Я вообще-то всем написала, но ответил только ты один.

Настя ушла. Антон ещё не мог поверить, что она здесь была. Только дед всё бормотал, глядя бесконечные лыжи по телику:

– Наконец-то есть на кого оставить моего обормота. А мне на тот свет пора, к Ниночке.

– Деда, – окликнул его Антон.

– Что?

– Вот вы с бабушкой столько лет прожили в любви, пока она не умерла, как вам это удалось?

Дед задумался, сидя на своём неизменно разобранном для сна диване.

– Она однажды сказала, что из тех людей, которые привыкли не выбрасывать вещи, а чинить их. Так и с отношениями. Над ними надо работать, а не искать бесконечно новые. Вот мать твоя никак всё счастья не найдёт, знаешь почему?

Антон не знал. Не знал, поэтому слушал внимательно, впитывая каждое слово.

– Потому что выбрасывает и выбрасывает вместо того, чтобы чинить. А вот ты не такой. И девчонка эта не такая. Береги её.

В понедельник Антон летел на работу, хотя не должен был. Он мог прийти только в четверг, но хотел увидеть Настю именно сегодня. А карман ему жгла маленькая открытка.

В офисе оживлённо болтали. Кого-то отчитывали за плохие баг-репорты. Кому-то вернули назад задачу на доработ-

ку.

Она сидела за компьютером и внимательно читала отчёт на экране. Антон подошёл и положил на стол ярко-красное сердечко. Офисные сплетники наверняка наточили уже мысленно свои карандаши и принялись записывать всё, автоматически возводя в квадрат.

Настя взяла открытку в руки:

«Сходишь со мной на свидание?» – тихо прочитала она.

– Я тебе попозже напишу, ладно?

Антон кивнул. Весь рабочий день он сидел как на иголках. Сначала он хотел написать в «Телеграме»: «Даже если ты сменишь пол и потеряешь глаз, я буду любить тебя». Но потом решил, что это слишком импульсивно и напористо, слишком громко и пафосно. Хотя чувствовал именно это. Чувствовал, что влюбился в эту сумасшедшую и такую похожую с ним девушку. Но что чувствовала она? Вдруг он ей совсем не интересен? Противен? Вдруг ей не нравятся его чуть оттопыренные уши или прическа ёжиком?

Девчонки суетились, обмениваясь валентинками. Парни делали вид, что не понимают этот праздник. Настя ни разу не посмотрела на Антона. Он отчаялся ждать. Только вечером, почти около семи, от неё пришло сообщение в «Телеграм».

«Да».

Через год они поженились, но это уже совсем другая история.